

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ О ТВОРЧЕСТВЕ КАК СУЩНОСТНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЧЕЛОВЕКА

АНОТАЦІЯ

М. Бердяєв одним з перших у філософії ХХ століття розробив цілісну концепцію творчості як духовного феномену. Її складовими є вчення про Боголюдство як про рух до ідеалу через творчість, ідеї про діалогічний характер творчого процесу, про трансцендентування як необхідну складову творчого акту. Автор піддав критиці як історичне християнство, так і наявні форми гуманізму, як такі, що принижують творчі можливості людини. Кризові явища в сучасній йому цивілізації М. Бердяєв розглядає як наслідки кризи творчості.

Ключові слова: творчість, духовність, православ'я, свобода, гуманізм.

АННОТАЦИЯ

М. Бердяев одним из первых в философии ХХ века разработал целостную концепцию творчества как духовного феномена. Ее составляющими являются учение о Богочеловечестве как о движении к идеалу через творчество, идеи о диалогическом характере творческого процесса, о трансцендентировании как необходимой составляющей творческого акта. Автор подверг критике как историческое христианство, так и наличные формы гуманизма, преуменьшающие творческие возможности человека. Кризисные явления в современной ему цивилизации Н. Бердяев рассматривает как последствия кризиса творчества.

Ключевые слова: творчество, духовность, православие, свобода, гуманизм.

SUMMARY

M. Berdyayev was among the first in the philosophy of the XX century who developed a holistic concept of creativity as a spiritual phenomenon. Its components are the doctrine of the divine-human nature as a movement towards perfection through creativity, idea of dialogic nature of the creative process of transcendence as an essential part of the creative process. The author criticized both the historic Christianity and current forms of humanism, underestimating the creative abilities of humans. The crisis phenomena in the contemporary for N. Berdyayev civilization is considered by him as consequences of creativity crisis.

Key words: creativity, spirituality, orthodoxy, freedom, humanism.

В мировой культуре найдется немало мыслителей, которые на протяжении всей жизни исследовали, развивали, защищали определенную идею, философскую позицию. Но среди них выделяется фигура Н. А. Бердяева – философа, который, начиная с первой книги [1] и заканчивая работами, опубликованными после его смерти [См. 9, с. 337-340], развивал собственное понимание природы и сущности человека, его существования и назначения. Н. Бердяев еще и еще раз подчеркивал, что основной проблемой современности является прежде всего проблема человека, а ее квинтэссенцией – творчество [2, с. 223]. Природа человека, по Бердяеву, двойственна. Она охватывает как природное, материальное, социальное, так и сверхъестественное, духовное, божественное: «Человек осознает себя не только существом природным, но и духовным» [3, с. 83]. Но в отличие от материалистического натурализма, как он называет марксизм, Бердяев утверждает безоговорочный приоритет духовного в человеке, который не только и не столько существо природное, ибо оно абсолютен в духе [1, с. 310]. Человеческий дух есть «свобода, творческая активность, смысл, интеллект, ценность, качество и независимость, прежде всего

независимость от внешнего мира, природного и социального. Духовное в человеке есть определенность изнутри в отличие от той составляющей человеческой природы, которая определяется снаружи. Как существо духовное, человек есть существо активное, творческое, свободное...» [2, с. 228].

Человек не может определять себя только в отношении к миру и другим людям. В таком случае он был бы рабом окружающего мира. Пройдя через искушения материализмом и позитивизмом, увлечения марксизмом, Бердяев возвращается к религии, как к духовной опоре, способной вдохнуть, по его мнению, новые силы в философское познание мира и человека [6, с. 29], но надежды свои он связывает не с любой религиозностью, и даже не с христианством, как таковым, а с образом Иисуса Христа, который объединил в себе качества Бога и человека (Богочеловек). Как раз через Иисуса Христа осуществляется мировой акт божественного самосознания человека, в этом образе происходит процесс самовозвышения Духа. Очевидно, это надо понимать и таким образом, что боги языческие – выше, сильнее человека, но они не духовны, они, скорее, человекобоги, чем богочеловеки. Иными словами, в них сконцентрирована сверхъестественная, но еще не духовная сила. То же можно сказать и о ветхозаветном Боге (Яхве, Элогим), который также не духовен. В нем много от язычества, от природы. Он много угрожает, его надо бояться, но он мало зовет за собой как духовная сила. (Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить Нагорную проповедь Иисуса Христа с заповедями Моисея в части, касающейся религиозных вопросов). К этим же выводам приводят высказывания Н. Бердяева относительно раннехристианских учений («святоотеческий период христианства»). В них религиозная антропология не содержит творческой тайны человеческой природы, потому что она придавлена осознанием падения человека, она учит о страстях человека и об избавлении от страха, «находится в зависимости от староязыческой антропологии» [1, с. 315].

Традиционное религиозное понимание связи человека и Бога базируется на понятии греховности. Человек – тварь Божья. Из этого можно сделать заключение о ничтожности человека, который осознает себя существом неполноценным. Как отмечает Бердяев, это может привести к подавленности человека и в конце концов его жизнь превратится в «бесконечное сгущение тьмы». Автора всегда волнует вопрос о том, как преодолеть подавленность и перейти к духовному возвышению. Отвечает он на него в том смысле, что такое преодоление возможно в творческом акте, осуществляемом человеком, как существом, наделенное Богом способностью к творчеству.

О творчестве Бердяев размышляет не в обычном понимании, как о создании новых культурных ценностей в науке, искусстве и т. д. Он констатирует иерархический характер творчества, которое охватывает как низшие степени, так и творческую самореализацию человека. Вместе с тем, творчество у Бердяева вырастает до масштабов глобальных, оно является важнейшим для понимания отношения человека к Богу. «Творчество для меня не столько оформление в конечном, в творческом продукте, сколько раскрытие бесконечного, полет в бесконечность, не объективация, а трансцендентирование. Творческий экстаз (творческий акт всегда ex-tasis) является прорывом в бесконечность» [1, с. 189], – писал Н. Бердяев. Он также отмечал, что проблема нового религиозного сознания для него предстает иначе, чем для других философов. Если для Д. Мережковского, например, главной была проблема плоти, для софиологического течения – проблема освящения Космоса, то для Бердяева проблема новой религиозной антропологии сфокусирована в творчестве. Последнее он определял как потрясение и подъем всего человеческого существа, стремящегося к высшей жизни, к новому бытию. Но творчество – это не проявление эгоцентризма, оно – забвение человека о себе, направлено к тому, что выше человека. Это – обращенность к преображению мира, к новому небу и новой земле, которые должен осуществить человек. Прозрение творчества является прозрением человека, а не Бога [1, с. 190]. Таким образом, подход Н. Бердяева к определению сущности человека выходит за пределы традиционной религиозно-христианской антропологии. В центре внимания философа – человек с его способностью к творчеству, которая хотя и имеет божественное

происхождение, но приобретает самодовлеющее значение. Как религиозный мыслитель, Бердяев хорошо понимает, что идеи, которые он провозглашает, должны быть освящены авторитетом Библии. Но в священных текстах христианства нельзя найти даже намека на творчество человека. Бердяев считает это вполне оправданным: если бы творчество человека было раскрыто в Писании, то «оно не было бы творчеством, а послушанием». Более того, Бог ждет от человека антропологического откровения творчества, скрыв от человека во имя богоподобной свободы пути творчества и оправдание творчества [1, с. 329].

Творчество – это дело богоподобной свободы человека, раскрытие в нем образа творца. Творчество связано прежде всего с Духом. Где Дух, там и свобода. Где свобода, там и творчество. Таким образом, в творчестве кроется божественное в человеке. Человек создан по образу и подобию Бога. И как образ Бога, человек несет в себе возможность быть свободным и творческим существом. Своим творчеством человек призван продолжить творение, которое уже было осуществлено Богом, и передавшим в дальнейшем эту функцию человеку.

Н. Бердяев берется за решение грандиозной задачи – раскрытия пути, связывающие человека и Бога, тем самым, продолжая дело, которое начали Ф. Достоевский, В. Соловьев, Н. Федоров. Но если Достоевский считал, что Бог, желая свободной любви человека, допустил неопределенность его прихода к себе, Соловьев создал учение о теургии, которая завершается становлением Богочеловечества, воплощая в себе идею положительного всеединства, Н. Бердяев перспективу становления Богочеловечества связывает с индивидуальным творческим актом. Рассматривая различные типы мировоззрения, Бердяев отмечает, что христианство владеет идеей Бога, христологией, но не имеет антропологии. Гуманистическая антропология, возникшая в знак протеста против засилья религии, опирается на естественную антропологию, но не имеет христологии. А в своих «крайних» проявлениях (позитивизм, марксизм) гуманизм доходит до самоотрицания. Задача, стоящая перед религиозной философией, по мнению Бердяева, заключается в том, чтобы в религии Богочеловечества объединить веру в Бога с верой в человека, Автор раскрывает суть понятия Богочеловечества в столкновении с позицией сторонников научно-позитивистской, прагматической философии, которая желает вознести человека до уровня Бога, создав человекобожество, и тем самым как бы подняв человека над обыденным существованием, а в действительности унизив его до природной составляющей. Иисус Христос – не человекобог, а Богочеловек. Человек не только природно-тварное существо, но и божественно-тварное. Приобщаясь к христологии, считает Бердяев, пытаюсь подняться к Богу, человечество способно объединиться с ним снова, превратиться в Богочеловечество.

Бердяев предсказывает, что придет новая христологическая антропология, она должна открыть тайну творческого призвания человека и тем самым дать высший религиозный смысл творческим порывам человека. Но автор не связывает это с традиционным христианством, потому что «религиозное унижение и подавление человека ведет к ложному его самоопределению, которое окончательно уничтожит человека» [1, с. 325].

Таким образом, Бердяев из идеи греховности человека делает вывод, прямо противоположный позиции традиционного христианства: о величии человека, который осуществляется через творческий акт, благодаря чему человек поднимается к Богу, соединяется с ним, становится Богочеловеком. В творчестве человек преодолевает самого себя, самоопределяется, перестает быть занятым только собой. В творчестве человек наиболее подобен творцу. В соответствии с традицией европейской классической философии Н. Бердяев связывает проблему сущности человека с его существованием в мире (недаром же Бердяева считают одним из основателей европейского экзистенциализма). Для Бердяева, как и для Маркса, человек – не только объект, но и субъект. Более того, человек у него – прежде всего субъект. Но если Маркс рассматривал человека как субъект общественных отношений и деятельности, Бердяев тайну человека видит во внутреннем самоопределении. Для него как раз это – акт, усилие, творческая активность как таковая [3, с. 86].

В таком же духе Бердяев разрабатывает концепцию личности. Он различает понятия

«индивидуальность» и «личность», рассматривая первое из них как категорию биологическую. Индивидуальность – это неделимый атом, часть рода и подчиняется роду, она биологическая и социальная. Личность – категория духа, а не природы и общества. Напротив, природа, общество, космос, мир – часть личности. Человек – микрокосмос, и как таковой он является целостностью, охватывающей естественное и сверхъестественное (в том числе Вселенную, Логос, Бога). Личность проявляет себя не в подчинении роду, а в соотношении с ним, в общении с другими людьми, миром и Богом [3, с. 88-89]. Личность – не объект, а субъект, экзистенциальный центр, она создается Богом и самим человеком, она есть идея Бога в самом человеке.

Бердяев отмечает, что личность предпочитает существование сверхличного, того, что ее превосходит, и к чему она стремится. Если нет сверхличного бытия, нет и личности, остается только индивидум, который подчиняется природе и роду, обществу, которые становятся выше него. Главным звеном в понимании личности Бердяевым является идея о том, что последняя – это творчество, творческий акт, противоположный пассивности, творческое сопротивление среде [3, с. 91].

Обязательным фактором творчества является свобода, без которой внутренняя активность может превратиться в пассивность духа, детерминированность снаружи. Личность – это сопротивление детерминации общества и природы, героическая борьба за самоопределение «изнутри». Личность имеет волевое ядро, которое определяет всякое движение изнутри.

Личность не закончена, она должна себя реализовать, творить на протяжении всей своей жизни. Вместе с тем, она не самодостаточна, ее наличие предполагает постоянный выход за пределы самой себя. Более того, как раз отношение личности к другим людям составляет качественное содержание ее жизни [3, с. 92]. В творческом акте человека, который является реализацией личности, должно происходить жертвенное расплывание самости, которое отделяет человека от других людей, от мира и от Бога. Человек есть существо недовольное и такое, которое себя преодолевает в наиболее значительных актах своей жизни.

Н. Бердяев для характеристики человека использует такое понятие, как призвание, которое всегда носит индивидуальный характер. Источник призвания – творчество человека, это «внутренний голос» человека. Он также рассматривает как имманентно присущие человеку такие составляющие духа, как бессознательное, сознание, сверхсознание. Пути реализации человека проходят через эти составляющие. Для человека вредно как господство подсознательного, так и диктат сознания. Когда сознание подавляет и вытесняет подсознательное, происходит раздвоение человеческой природы, ее затвердевание и окостенение. Но между вышеперечисленными составляющими духа не существует жестких границ. Средне-нормальное сознание определяет степень твердения духа. Выход из этого состояния возможен в святость, гениальность, творчество. Сущность человека заключается в выходе за пределы средне-нормального состояния. Значимость индивида определяется наличием открытости к бесконечному и вечному, к сверхсознательному. Личность – это парадоксальное сочетание конечного и бесконечного.

Человек – целостен, он представляет собой единство тела, души и духа при доминировании последнего. Через победу духа над душой и телом реализуется личность, осуществляется ее целостный образ. Духовная основа оплодотворяет тело и душу. Личность есть целостное духовно-душевно-телесное существо, в котором душа и тело подчиняются духу и тем самым соединяются с высшим, надличным и сверхчеловеческим бытием. Дух исходит не от природы человека, отличается от природы душевной и телесной, это – имманентно действующая в человеке благодатная мощь (дуновение, дыхание), высокое качество человека [3, с. 96].

Таким образом, учение Бердяева о личности в значительной степени отличается от достаточно традиционного понимания ее как совокупности определенных качеств человека – врожденных или приобретенных в процессе жизнедеятельности, качеств биологических,

психологических, социальных, Под личностью Бердяев понимает открытую, динамичную систему, которая одновременно противостоит внешним воздействиям и вместе с тем тесно связана с миром, обществом, другими людьми. Внутренним стержнем развития человека является творчество, творческий акт, который позволяет ему реализовать себя и приблизиться к духу.

Человек существует среди других людей, он – член общества, и для Бердяева очевидно, что творческая сущность человека, его личный творческий потенциал чаще не реализуется, чем реализуется. Анализируя причины такого положения, философ констатирует, что это происходит из-за господства природного над духовным, которое и подавляет творческие способности человека. Высоко ценя идею Гегеля – Маркса об отчуждении человеческой сущности, Бердяев пишет, что отчуждение не связано исключительно с господством частной собственности, оно присуще всякому господству и обществу [3, с. 99]. Н. Бердяев, вместе с тем, отрицает идею Маркса о социальной сущности человека, отмечая, что человек не является продуктом общества, его образом и подобием, поскольку он – образ и подобие Бога. Человек реализует себя в обществе, но не зависит от него целиком [3, с. 100-101]. При этом Бердяев различает понятия «общение» и «общество». Если первое из них всегда персоналистично, всегда встреча индивида с индивидом, «Я» с «Ты», оно конкретно и экзистенциально, то общество – абстракция, в нем происходит отчуждение творческой природы человека. И хотя история есть процесс прогрессивный с точки зрения реализации творческой сущности человека («история является созданием человека»), но вместе с тем этот процесс трагический, поскольку история не интересуется человеком, а имеет дело с массой.

Сквозь призму отчуждения философ рассматривает деятельность общественных институтов, значимость культурных эпох, не исключая из критического анализа и деятельность исторического христианства, церкви. Для него понятна негативная роль церкви в эпоху средневековья, когда последняя угнетала человека, акцентировала внимание на его грехопадении, делая из этого вывод в пользу необходимости абсолютного повиновения Богу и церкви.

Вместе с тем, Н. Бердяев высоко ценит эпоху Ренессанса, видя ее сущность в том, что как раз в этот период «оказался свободным избыток творчества человека», осуществился подъем человеческой индивидуальности [2, с. 209]. Однако человек в этой неограниченной умственной свободе как бы истощил свои умственные силы и начал поработать самого себя, отрицая результаты той умственной работы, которая была выполнена на протяжении всей новой истории [2, с. 209]. В результате европейское общество сталкивается с кризисом творчества, кризисом культуры. Как известно, тема о кризисе цивилизации и культуры – одна из наиболее распространенных в философии XX века. Бердяев рассматривает господство техники над человеком как одну из важнейших причин этого кризиса.

Вообще, вопросам, связанным с рассмотрением роли техники в индустриальном обществе Н. Бердяев уделял достаточно большое внимание, начиная от опубликованной в 1915 году статьи «Дух и машина». В ней автор рассматривает технику как «освобождающее дух человека начало», выступая против обвинения техники самой по себе в уничтожении и принижении духовных (в том числе творческих способностей) человека: «Секуляризация, как и машина, убивает не дух, а материю. Машинизация есть отрывание и выделение материальной тяжести из духа, облегчение духа... С вхождением машины в человеческую жизнь умертвляется не дух, а плоть...» [Цит. по: 7, с. 146]. В книге «Смысл истории» (Берлин, 1923 г.) Н. Бердяев отмечает, что возникновение и распространение техники, это – поворотный пункт в жизни всего человечества. По мнению автора, вхождение машины это – «кризис рода человеческого». Суть этого кризиса в том, что «машина не только по видимости покоряет человеку природные стихии, но она покоряет самого человека, она не только в чем-то освобождает, но и по-новому поработывает его» [7]. И, наконец, в статье «Человек и машина» мыслитель непосредственно экстраполирует эти выводы на творчество. В целом наступление техники ведет к истончению духовной составляющей культуры. И в

культуре, и в человеке культуры существует разделение *agir* и *faire*. Первое означает «свободное упражнение человеческих сил», второе – «создание продуктов, фабрикование». «В первом случае, – пишет Н. Бердяев, – центр тяжести лежит в человеке, в творящем, во втором же случае – в продукте. *Техническая эпоха требует от человека фабрикации продуктов, и притом в наибольшем количестве при наименьшей затрате сил. Человек делается орудием производства продуктов. Вещь ставится выше человека*» [Курсив наш – А. Ч.].

Вместе с тем, свою негативную роль играют демократизация культуры, усиление господства государства, бюрократизация общественной жизни, ее рационализация в целом [См.: 7, 11]. Результатом этого является подавление и нивелирование личности массой, классом, государством. Оригинальной в этих оценках выглядит характеристика кризиса творчества в европейской гуманистической культуре. По мнению Бердяева, это проявляется в противоречии между творчеством и творческим бессилием, между замыслом и его реализацией в различных сферах духовной культуры. Это противоречие – вечное противоречие творчества. Но как раз в индустриальную эпоху оно обостряется в большей степени. Антитворческий характер носит искусство футуризма и абстракционизма, которые разрушают целостное восприятие человека, антитворческими являются идеи анархизма и социализма. Бердяев не против социализма вообще, для него социализм – «явление духа», он имеет большое значение. Но в противовес ренессансу социализм, как идейное и политическое течение, раскрывается не на почве избытка, а на основе недостатка творчества, и знаменует собой приход «нового средневековья», нового порабощения человека массой, государством, механическим коллективом. Вернее было бы сказать, что социализм – продукт эпохи Возрождения, утвердивший антропоцентризм, но природный, субъективно-психологический, а не объективно-космический. Гуманизм – идеология естественного, зависимого человека. Последний, как необходимая часть природного мира, пожелал свободы и самостоятельности, субъективно поставил себя целью природы. Абсолютизация науки, человеческого разума приводит к отрицанию Бога и, как следствие, к дегуманизации науки и культуры.

Истинный социализм и коммунизм Бердяев связывает с христианской антропологией, поскольку, по его мнению, и капитализм, и социализм имеют антигуманистическую, антитворческую сущность.

Таким образом, М. Бердяев одним из первых в европейской философии XX века разработал целостную концепцию творчества как духовного феномена в ее антропологическом измерении. Учение мыслителя о Богочеловечестве может быть прочитано и приемлемо в дискурсе реалистического видения проблемы: речь идет о том, что человеческое в человеке сохраняется и приумножается путем творчества и самосовершенствования при ориентации на наиболее высокие идеалы, которые выработало человечество на пути исторического развития.

Для дальнейшей разработки проблемы творчества очень плодотворными оказались идеи Н. Бердяева о диалогическом характере самого творческого процесса и о трансцендентировании как необходимой его составляющей. Хотя автор и критикует исторический гуманизм, его собственная концепция может быть определена как действительно гуманистическая, возлагающая ответственность за духовность на самого человека на его свободное самовыражение, на его самосовершенствование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989.
2. Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире. Статьи, письма // Новый мир. – 1990. – №1. – С. 207-232.
3. Бердяев Н. А. Проблема человека (к построению христианской антропологии) // Ступени. – 1991. – №1. – С. 79–104.

4. Бердяев Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. – М.: Мысль, 1991.
5. Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. – М., 1994. – Т. I.
6. Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. – Международная ассоциация деятелей культуры «Новое время» и журнал «Горизонт», 1990. С. 1-22.
7. Бердяев Н. А. Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) // Вопросы философии. - 1989. - №2. - С.143-162.
8. Зеньковский В. В. История русской философии. - Л.: ЭГО, 1991. – Т. II. – ч.2. – С. 54–92.
9. Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. – Париж: IMKA-PRESS, 1974.
10. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. – 1989. – №3. – С. 119-154; №4. – С. 114-169.